

the structure above the ditch had a sub-square shape in the center of which a trapezoidal ditch was fixed in section. In the course of the work, a ceramic complex was obtained, represented by round-bottomed vessels with a rim bent outward, and also several fragments of indeterminate animal bones and horse teeth were recorded. Based on the material found, the site can be preliminarily attributed to the 2nd half of the 5th – 6th centuries AD. Culturally, the ceramic complex belongs to the Odintsovo culture.

Keywords: ancient settlements, emergency excavations, preservation of sites, early Middle Ages

DOI: 10.14258/2411-1503.2021.27.44

УДК 903.2(571.151)

Н.Н. Серегин¹, А.А. Тишкин¹, С.С. Матренин², Т.С. Паршикова¹

¹*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;*

²*Барнаульский юридический институт МВД РФ, Барнаул, Россия*

КОЛЛЕКЦИЯ ЖЕЛЕЗНЫХ ОРУДИЙ ТРУДА ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ ЖУЖАНСКОГО ВРЕМЕНИ КОМПЛЕКСА ЧОБУРАК-I (СЕВЕРНЫЙ АЛТАЙ)

Работа выполнена при частичной финансовой поддержке РФ

(проект №20-78-10037 «Ранние тюрки Центральной Азии:

междисциплинарное историко-археологическое исследование»)

Статья посвящена введению в научный оборот коллекции железных орудий труда из погребений жужанского времени, исследованных на археологическом комплексе Чобурак-I. Публикуемые материалы происходят из 11 непогребенных курганов, раскопанных экспедицией Алтайского государственного университета. Приведены сведения о 12 ножах и четырех шильях, а также о других изделиях с не установленным пока функциональным назначением. Авторами представлена информация об особенностях расположения данных вещей в могилах, выполнено морфологическое описание зафиксированных экземпляров, осуществлено их сравнение с уже известными предметами из других памятников булан-кобинской культуры Алтая, а также из комплексов, раскопанных на сопредельных территориях. Установлено, что анализируемые находки имели довольно продолжительный период бытования в рамках сянбийско-жужанского времени (II–V вв. н.э.). Публикуемые материалы расширяют источниковую базу для изучения системы жизнеобеспечения населения Алтая на рубеже поздней древности и Средневековья. Обнаруженные изделия актуализируют продолжение исследований в области комплексного анализа орудий труда и бытовых предметов животноводов региона в обозначенный исторический период.

Ключевые слова: Алтай, булан-кобинская культура, орудия труда, нож, шило, хронология

Благодаря многолетним археологическим исследованиям, осуществленным экспедициями разных учреждений на территории Алтая, к настоящему времени сформирована представительная серия желез-

ных орудий труда из некрополей булан-кобинской культуры хуннуско-сяньбийско-жужанского времени (II в. до н.э. – V в. н.э.). Имеется опыт анализа таких предметов [Константинова, 2014; Соенов, Константинова, 2014, 2015; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018; и др.]. Вместе с тем многие вопросы, связанные с интерпретацией указанных артефактов, остаются открытыми. Сложность изучения подобных изделий в значительной степени обусловлена плохой сохранностью металла, что затрудняет качественное морфологическое описание и функциональную атрибуцию находок. Приходится также констатировать, что значительная их часть не введена в научный оборот и не систематизирована.

В данном контексте актуальной является публикация коллекции железных орудий труда из погребально-поминального комплекса Чобурак-I, в составе которого экспедицией Алтайского государственного университета исследована серия объектов булан-кобинской культуры жужанского времени (2-я половина IV – V в. н.э.). Данный памятник расположен в Чемальском районе Республики Алтай, в 3,6 км к югу от с. Еланда. В 11 раскопанных захоронениях идентифицированы следующие железные изделия.

Курган №29. В детском погребении (в районе грудной клетки умершего) расчищен фрагмент клинка ножа длиной 7,7 см с шириной обуха (спинки) 0,2–0,3 см (рис. 1.-1).

Курган №29а. В ходе разборки каменной насыпи обнаружено захоронение молодого человека, у которого оказался нож довольно хорошей сохранности длиной 9,6 см. Изделие имеет треугольный в сечении клинок с обломанным острием, слегка выгнутую спинку (шириной 0,15–0,25 см) и вогнутое лезвие, а также прямой черен для крепления деревянной рукояти (рис. 1.-2).

Курган №30. В захоронении мужчины у правого плеча зафиксирован корродированный нож длиной 9,7 см с треугольным в сечении клинком, с прямой спинкой (толщина до 0,6 см) и обломанным острием (рис. 1.-3). В районе пояса человека выявлен предмет в виде стержня длиной 9,6 см с овальным поперечным сечением, сужающимся к одному концу (рис. 2.-1).

Курган №31. У погребенного мужчины в районе пояса найден обломанный коротколезвийный нож (общая длина сохранившейся части составляет около 6,7 см) с треугольным в сечении клинком, с прямой спинкой и слегка наклоненным в сторону лезвия череном для крепления рукояти (рис. 1.-4).

Курган №31а. В сопроводительном инвентаре мужчины присутствовал нож, который располагался в районе пояса умершего. Судя по сохранившимся фрагментам, данный образец небольшой длины (до 6 см) имел треугольный в сечении клинок с прямой спинкой (шириной 0,2–0,3 см) и прямой черен для рукояти (рис. 1.-5).

Курган №32. У правой руки погребенного мужчины выявлены отдельные железные фрагменты ножа, на основании которых невозможно точно определить его морфологические признаки и размеры (рис. 1.-6).

Курган №32а. В захоронении женщины в области пояса обнаружен фрагмент корродированного стержня с квадратным поперечным сечением (размерами 0,6×0,6 см), у которого прослежен тлен от несохранившейся деревянной рукояти (рис. 2.-2). Данный предмет, по-видимому, являлся шилом.

Курган №33. В районе тазовых костей женщины располагалось несколько орудий труда: черешковый нож с треугольным в сечении клинком (длиной 11,2 см) и слегка выгнутой спинкой шириной до 0,6 см (рис. 1.-8); фрагмент трехгранного шила длиной 4,9 см (рис. 2.-4); обломок «инструмента» в виде стержня с обломанными концами (длиной 7,9 см) и овальным поперечным сечением (рис. 2.-3).

Курган №34. Из погребения женщины происходит небольшой фрагмент черешкового ножа с треугольным в сечении клинком, размещавшийся в районе пояса умершей (рис. 1.-7).

Курган №34а. В мужском захоронении в области пояса зафиксированы два сохранившихся в обломках черешковых ножа разного размера, один из которых имел клинок со слегка выгнутой спинкой (рис. 1.-9-10). Там же найдено шило в виде короткого трехгранного стержня (рис. 2.-5).

Курган №38. В погребении мужчины в разных местах отмечены находки нескольких изделий. За головой человека и рядом с ритуальной мясной пищей, сохранившейся в виде костей овцы, лежал обломок коротколезвийного ножа (рис. 1.-11), а также стержень с прямоугольным поперечным сечением и петлевидным навершием (рис. 2.-7) и «рукоять» полукруглой формы (рис. 2.-8). У пояса (слева) найдены фрагмент острия ножа (рис. 1.-12) и часть «инструмента» в виде массивного стержня длиной 7 см с овальным поперечным сечением (рис. 2.-6).

Ножи относятся к массовым универсальным орудиям труда. Они применялись в деревообработке, косторезном деле, скорняжном производстве, при сборе растительного сырья, разделке туш животных, в качестве столовых приборов, а также для решения многих других повседневных задач*. Публикуемое собрание состоит из 12 изделий различной степени сохранности. Зафиксированные образцы отличаются коротким (до 13 см) клинком с толщиной спинки не более 0,6 см. Данные предметы входили в состав инвентаря шести мужских (курганы №30, 31, 31а, 32, 34а, 38), двух женских (курганы №33, 34) и одного детского (курган №29) погребения. Кроме того, один экземпляр обнаружен

* При работе с материалами из погребальных комплексов Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. одним из авторов настоящей публикации документированы сведения о присутствии железных ножей в более чем 230 захоронениях, относящихся ко всем этапам булан-кобинской культуры.

в насыпи кургана №29а, под которой исследовано захоронение молодого человека. Материалы раскопок некрополя Чобурак-I демонстрируют расположение ножей преимущественно в области «пояса» умерших людей и редкость иных вариантов их локализации относительно тела покойных (за головой, у руки, на груди). Только в одном случае установлено, что нож лежал вместе с остатками ритуальной мясной пищи, от которой сохранились кости овцы.

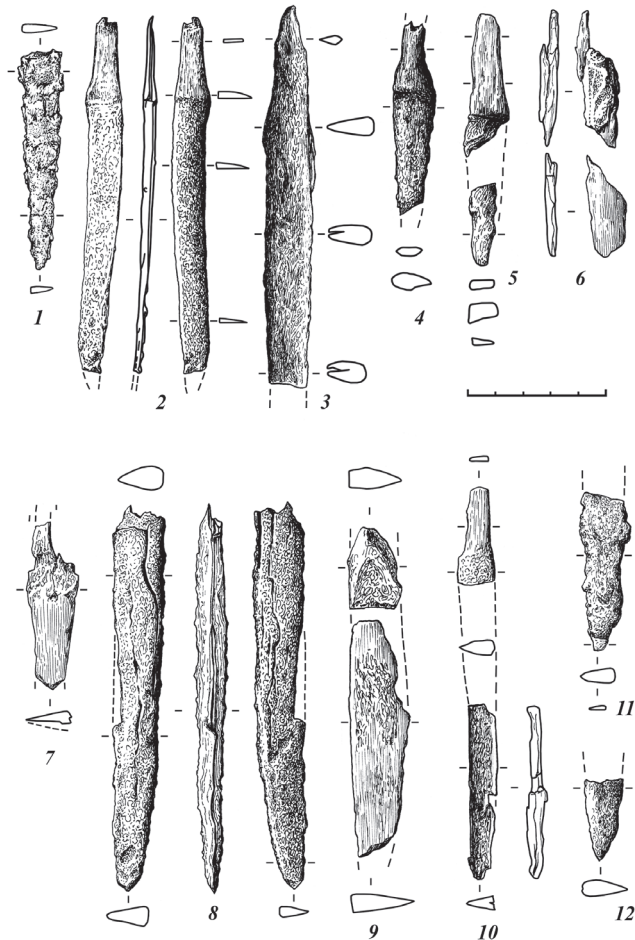

Рис. 1. Железные ножи из комплекса Чобурак-I:
 1 – курган №29; 2 – курган №29а; 3 – курган №30; 4 – курган №31;
 5 – курган №31а; 6 – курган №32; 7 – курган №34; 8 – курган №33;
 9, 10 – курган №34; 11-12 – курган №38. Рисунки выполнены И.А. Чудилиным

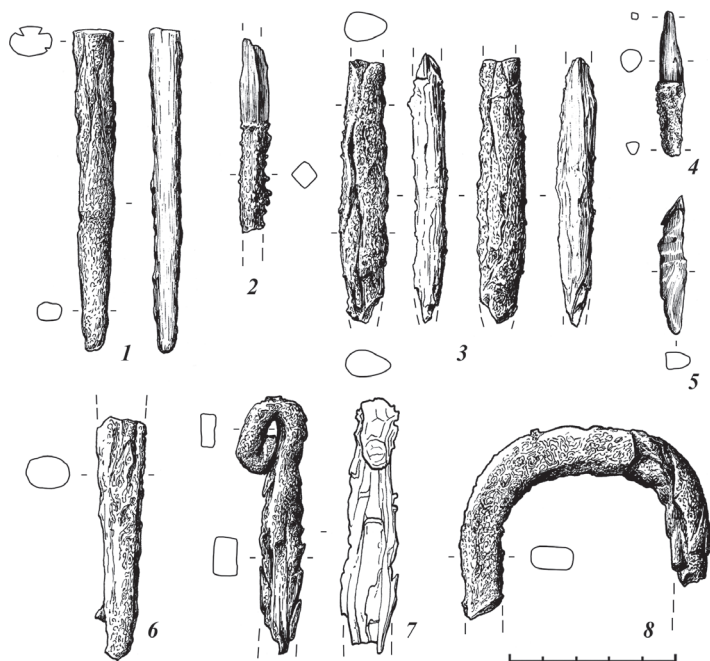

Рис. 2. Железные шилья и фрагменты изделий неизвестного назначения из комплекса Чобурак-I: 1 – курган №30; 2 – курган №32а; 3–4 – курган №33; 5 – курган №34а; 6–8 – курган №38. Рисунки выполнены И.А. Чудилиным

Среди найденных ножей пять наиболее полно сохранившихся изделий были подвергнуты пробной классификации на основе выделенных таксонов с разной степенью изменчивости морфологических признаков. Группа отражает материал изготовления поражающей части ножа; разряд демонстрирует форму поперечного сечения клинка; раздел отражает оформление спинки (обуха) клинка; отдел указывает на положение рукояти относительно оси клинка; тип определяется по конструкции рукояти; вариант учитывает особенности перехода клинка в рукоять, наличие и отсутствие перекрестия, навершия, иные детали крепления рукояти. Результаты систематизации изделий выглядят следующим образом.

Группа I. Ножи из железа.

Разряд I. С треугольным в разрезе клинком.

Раздел I. С прямой спинкой (обухом).

Отдел I. С прямо насаженной рукоятью.

Тип 1. Отдельно изготовленная рукоять из дерева (не сохранилась) укреплена на металлический черен. *Вариант а* – имеется одно плечико

со стороны лезвия; без перекрестия, без навершия и без других дополнительных элементов. Включает 2 экз. из курганов №30 и 31а (рис. 1.-3, 5).

Отдел II. С наклонно насаженной рукоятью.

Тип 2. Отдельно изготовленная рукоять из дерева (не сохранилась) укреплена на металлический черен, который слегка наклонен относительно клинка. *Вариант а* – имеются два плечика; без перекрестия, без навершия и без других дополнительных элементов. Включает один экземпляр из кургана №31 (рис. 1.-4).

Раздел II. Со слегка выгнутой спинкой (обух имеет дугообразный изгиб в сторону лезвия).

Отдел I. С прямо насаженной рукоятью.

Тип 3. Отдельно изготовленная рукоять из дерева (не сохранилась) укреплена на прямой металлический черен. *Вариант а* – имеется одно плечико со стороны лезвия; без перекрестия, без навершия и без дополнительных элементов. Включает 2 экз. из курганов №29а и 34а (рис. 1.-2, 10).

Рассматриваемые изделия подтверждают преобладание у населения булан-кобинской культуры черешковых ножей с прямой отдельно изготовленной деревянной рукоятью, ограниченной от клинка одним плечиком со стороны лезвия. В Центральной Азии ножи с обозначенными морфологическими признаками впервые массово отложились в памятниках хунну (сюнну) Монголии и Забайкалья II в. до н.э. – I в. н.э. [Коновалов, 1976, табл. XVI.-3, 8–9; Могильников, 1992, табл. 107.-1–2, 43–44; Давыдова, 1995, табл. 56.-1; 91.-7; 1996, табл. 5.-18, 8.-5, 23.-3, 27.-7, 33.-3; Төрбат, Амартүвшин, Эрдэнэбат, 2003, т. 209, зур. 7; т. 235, зур. 2; т. 246, зур. 1; Хүүннүгийн Өв, 2011, р. 243, fig. 370; и др.]. Достаточно рано (II–I вв. до н.э.) они использовались в предметном комплексе населения тесинской культуры Среднего Енисея, что, вероятно, связано с проникновением в регион групп населения, знакомых с материальными традициями хунну (сюнну) [Пшеницина, 1979, табл. VII.-18, 21; Савинов, 2009, рис. 7.-7–8, XXIV.-14, LV.-4]. Широкое распространение рассматриваемых ножей в Алтае-Саянском регионе произошло со II в. н.э., что совпадает с началом активного использования похожих по конструкции длиннолезвийных изделий в качестве оружия ближнего боя [Вайнштейн, Дьяконова, 1966, табл. VIII.-1–3, 7, 9–12, 16, 18; Кызласов, 1969, рис. 22.-3, 7; Вайнштейн, 1970, рис. 14.-1; 17.-2; 21.-2; 25.-3; 29.-1–3; 42.-1; 49.-5; 73.-6; 75.-3; 97.-6; Дьяконова, 1970, табл. IX.-5, 19, 27; Мандельштам, Стамбульник, 1992, табл. 81.-50, 67; Николаев, 2000, табл. 81.-1; 84.-13; 114.-5; 116.-7; Памятники..., 2010, с. 60; и др.].

Время бытования железных ножей с рассмотренными характеристиками у носителей булан-кобинской культуры Алтая определяется, судя по имеющимся материалам, рамками II–V в. н.э. [Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990, рис. 37.-19; 40.-10; 44.-12–13; 46; Мамадаков, 1990, рис. 85.-12–15; Соенов, Константинова, 2015, с. 20–21, рис. 5; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, с. 126, табл. 36–37]. Оптимальность и высокая

эффективность конструкции обусловила существование подобных изделий до настоящего времени.

Шилья из могильника Чобурак-I представлены четырьмя экземплярами из двух мужских (курганы №34а, 38) и двух женских (курганы №32а, 33) погребений. В трех случаях они лежали в районе тазовых костей умершего человека, в одном – у головы. Чаще всего такие изделия выполнены из железного трех- или четырехгранного стержня, на который насаживалась деревянная рукоять, сохранившаяся в виде тлена (рис. 2.-2, 4-5). В погребальном инвентаре населения булан-кобинской культуры Алтая идентифицировано 15 аналогичных предметов из закрытых комплексов сянбийского и жужанского времени (Айрыдаш-I, Белый-Бом-II, Булан-Кобы-IV, Верх-Уймон, Карбан-I, Степушка-I, Улуг-Чолтух-I, Усть-Бийке-III, Чобурак-I, Яломан-II). В научный оборот введено небольшое количество таких артефактов [Тишкин, Горбунов, 2005, рис. 21.-6; Соенов, Константинова, 2015, рис. 4; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, табл. 38.-4, 6-7; и др.]. Зафиксированное железное шило с прямоугольным сечением, имеющее рукоять с навершием в виде кольца-петли (рис. 2.-7), обнаруживает определенное сходство с экземплярами из неопубликованных погребений II – I-й половины IV в. н.э. некрополей Айрыдаш-I, Булан-Кобы-IV и Карбан-I. В целом шилья являются универсальными орудиями колюще-проворачивающего действия, применяющимися особенно широко в кожевенном производстве. В типологическом отношении такие изделия являются консервативной категорией материальной культуры, не несущей информации для определения относительной хронологии памятников.

В ходе раскопок погребений могильника Чобурак-I зафиксированы четыре железных изделия, функциональная атрибуция которых проблематична. Среди них два массивных стержня с овальным поперечным сечением из курганов №30 и 38 (рис. 2.-1, 6) предварительно можно интерпретировать как зубила. Точные аналогии таким предметам в погребальных памятниках Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени пока не известны. Обломанный с двух концов стержень с овальным поперечным сечением из кургана №33 (рис. 2.-3) также может являться инструментом. Предмет полукруглой формы из кургана №38 (рис. 2.-8), по-видимому, представляет собой рукоять какого-то предмета; не исключено что он выступал частью металлической посуды.

Представленные изделия не являются показательными с точки зрения хронологии, так как имели довольно продолжительный период бытования. Вместе с тем публикуемые вещественные материалы булан-кобинской культуры из раскопок могильника Чобурак-I расширяют источниковую базу для изучения системы жизнеобеспечения населения Алтая на рубеже поздней древности и Средневековья. Данные находки актуализируют продолжение исследований в области комплексного анализа орудий труда и бытовых предметов скотоводов региона в хуннуско-сяньбийско-жужанское время.

Библиографический список

Вайнштейн С.И. Раскопки могильника Кокэль в 1962 г. (погребения кызылганской и сын-чурекской культуры) // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. III. Л., 1970. С. 7–79.

Вайнштейн С.И., Дьяконова В.П. Памятники в могильнике Кокэль конца I тысячелетия до нашей эры – первых веков нашей эры // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. II. М.; Л., 1966. С. 185–291.

Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 1: Иволгинское городище. СПб., 1995. 287 с. (Археологические памятники сюнну; вып. 1).

Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 2: Иволгинский могильник. СПб., 1996. 176 с. (Археологические памятники сюнну; вып. 2).

Дьяконова В.П. Большие курганы-кладбища на могильнике Кокэль (по результатам раскопок за 1963, 1965 гг.) // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. III. Л., 1970. С. 80–209.

Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). Улан-Удэ, 1976. 221 с.

Константинова Е.А. Ремесленные производства населения Горного Алтая гунно-сарматского времени: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2014. 23 с.

Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В. Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск, 1990. С. 43–95.

Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М., 1969. 211 с.

Мамадаков Ю.Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н.э.: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 317 с.

Мандельштам А.М., Стамбульник Э.У. Гунно-сарматский период на территории Тувы // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 196–205. (Археология СССР).

Могильников В.А. Хунну Забайкалья // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 254–273. (Археология СССР).

Николаев Н.Н. Поясные наборы могильника Кокэль // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. СПб., 2000. С. 70–85.

Памятники кокэльской культуры Тувы: материалы и исследования. СПб., 2010. 252 с.

Пшеницына М.Н. Тесинский этап // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск, 1979. С. 70–89.

Савинов Д.Г. Минусинская провинция хунну (по материалам археологических исследований 1984–1989 гг.). СПб., 2009. 226 с.

Соенов В.И., Константинова Е.А. Железные стамески гунно-сарматского времени из могильника Верх-Уймон (Алтай) // Вестник Тюменского государственного университета. 2014. №2. С. 13–18.

Соенов В.И., Константинова Е.А. Ремесленные производства населения Алтая (II в. до н.э. – V в. н.э.). Горно-Алтайск, 2015. 248 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул, 2005. 200 с.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Алтай в сяньбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка). Барнаул, 2018. 368 с. (Археологические памятники Алтая. Вып. 3).

Төрбат Ц., Амартүвшин Ч., Эрдэнэбат У. Эгийн голын сав археологийн дурсгалууд (хурлийн үеэс моголын үе). Улаанбаатар, 2003. 295 т. (на монг. яз.).

Хүүннүгийн Өв. Нүүдэлчдийн анхны төр-Хүннү Гүрний соёл. Улаанбаатар, 2011. 296 т. (на монг. яз.).

N.N. Seregin¹, A.A. Tishkin¹, S.S. Matrenin², T.S. Parshikova¹

¹*Altai State University, Barnaul, Russia;*

²*Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation, Barnaul, Russia*

COLLECTION OF IRON TOOLS FROM THE BURIALS OF ROURAN PERIOD OF THE CHOBURAK-I COMPLEX (NORTHERN ALTAI)

The article presents a collection of iron tools from the burials of the Rouran period, studied at the Choburak-I funeral complex. The published materials come from eleven undisturbed burials excavated by the expedition of the Altai State University. The article provides information about twelve knives, four awls, and products with an unidentified functional purpose. The authors provided information on the peculiarities of the location of these items in the graves, made a morphological description of the recorded specimens, compared them with already known items from other sites of the Bulan-Koby archaeological culture of Altai, and from complexes excavated in adjacent territories. It was established that the analyzed objects had a rather long period of existence within the framework of the Xianbei-Rouran period (2nd – 5th centuries AD). The published materials expand the source base for studying the life support system of the Altai population at the turn of the late antiquity and the Middle Ages. The presented findings actualize the continuation of research in the field of a comprehensive analysis of tools and household items of cattle breeders in the region in the indicated period.

Keywords: Altai, Bulan-Koby culture, tools, knife, awl, chronology

DOI: 10.14258/2411-1503.2021.27.45

УДК 903.5(571.1)

М.Г. Сулейменов, А.М. Илюшин

*Кузбасский государственный технический
университет имени Т.Ф. Горбачева, Кемерово, Россия*

КОСТЯНЫЕ НАКЛАДКИ НА КОЛЧАН ИЗ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЗАХОРОНЕНИЙ КУЗНЕЦКОЙ КОТЛОВИНЫ

В статье исследуются костяные колчаные накладки, найденные в средневековых погребениях воинов из Кузнецкой котловины. Эти находки суммарно представлены на рисунке. Костяные накладки выполняли функцию укрепления конструкции и одновременно украшали колчан. Известные на данный момент случаи их нахождения в средневековых погребальных комплексах на территории Кузнецкой котловины описываются и обобщаются. Фиксируются размеры костяных накладок и оценивается степень их сохранности. Отдельные изделия украшены орнаментом. Приводится описание элементов и мотивов орнамента, нанесенного на костяные пластины. По элементам и мотивам орнаментации или ее отсутствию приводится широкий круг аналогий из памятников раннего и развитого Средневековья Центральной Азии и Восточной Европы. Осуществляется первичная классификация накладок на колчан по материалу